ГОРСКИЙ

ОСНОВА КОНСТИТУЦ.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГП 25
Г 776

ГП25
Г776

Е. С. Горскій.

ОСНОВА КОНСТИТУЦІИ.

ДЕКЛАРАЦІЯ ПРАВЪ

ЧЕЛОВѢКА и ГРАЖДАНИНА.

Цѣна 25 коп.

„ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА".

№ 2.

ОДЕССА.

Типо-Литографія Штаба Одесск. Военнаго Округа.

1917.

К.
1984 г
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2006
ГИ25
Г776Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б)
17793 у
1927
26

Среди вопросовъ, которые предстоитъ разработать нашему Учредительному Собранію, однимъ изъ важнѣйшихъ является вопросъ о декларацiи (возвѣщеніи) правъ человѣка и гражданина.

Эта декларація составляетъ ту часть конституціи, которая опредѣляетъ основныя права каждаго отдѣльнаго гражданина, которая устанавливаетъ неотъемлемыя права свободной человѣческой личности, неприкосновенныя не только для низшихъ властей, но даже для высшихъ властей въ государствѣ, даже для законодательныхъ собраній.

Декларація правъ есть какъ бы клятва, которую приноситъ государство человѣческой личности, клятва оберегать ту святая святыхъ, при нарушеніи коей невозможенъ истинный свободный политическій строй, невозможна и приверженность гражданъ къ своимъ государственнымъ учрежденіямъ.

Въ душѣ каждаго изъ насъ живетъ своего рода сводъ законовъ. И послѣдній говоритъ намъ не только о тѣхъ правахъ нашихъ, кои записаны въ тѣхъ либо другихъ законодательныхъ текстахъ, но также и о тѣхъ правахъ, на признаніи коихъ за нами настаиваетъ нашъ внутренній голосъ.

Тѣ права, которыя являются нашимъ достояніемъ, мы располагаемъ въ извѣстномъ порядкѣ сообразно степени ихъ важности. Нѣкоторыми изъ нихъ мы порой бываемъ готовы пожертвовать или поступиться. Но есть среди нихъ такія, утрата коихъ явилась бы равносильной гибели самаго нашего существованія. Покушеніе на эти основныя важнѣйшія права человѣческой личности и гражданина не только притупляетъ гражданственность, но даже возбуждаетъ въ человѣкѣ чувство ненависти къ государству и стремленіе разрушить и уничтожить ту государственную власть, которая сводитъ къ нолю главный смыслъ человѣческаго и гражданскаго существованія.

Какъ ни всемогуще государство, какъ ни всесиленъ и всевластенъ народъ въ лицѣ большинства своего, все же и этому верховнѣйшему властительству есть извѣстный предѣлъ. Предѣлъ, именуемый свободой человѣческой личности и равенствомъ между собой всѣхъ человѣческихъ личностей.

Нарушать эти два принципа свободы и равенства не должно ни одно государство, желающее прочнаго существованія. Власть, существующая не для себя самой, а для людей обязана полагать для себя священными тѣ принципы, которые содержатся въ лучшихъ изъ конституцій нашего времени.

Декларацiи правъ человѣка и гражданина, содержащіяся въ современныхъ намъ европейскихъ конституціяхъ, заимствованы изъ конституцій американскихъ штатовъ. Тамъ онѣ были установлены въ ту эпоху, когда предки нынѣшнихъ американцевъ вели борьбу за независимость противъ англійскаго парламента и правительства, т. е. во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка.

Американскіе политическіе дѣятели того времени въ свою очередь заимствовали идеи декларацiи изъ сочиненій: англійскаго философа Локка, нѣмецкаго философа Пуфендорфа и французскаго политическаго писателя Монтескье.

Съ идеями о равенствѣ и свободѣ людей, изложенными въ сочиненіяхъ названныхъ писателей американцевъ познакомилъ ихъ соотечественникъ Джонъ Уайзъ.

Въ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1772 году, онъ писалъ: „представимъ себѣ извѣстное количество людей, равныхъ и свободныхъ въ силу естественнаго закона, добровольно желающихъ образовать изъ себя политическую общину. Для этого они должны заключить между собой рядъ отдѣльныхъ соглашеній“.

Какія же соглашенія должны заключить между собой эти равные и свободные люди?

На этотъ вопросъ даетъ намъ отвѣтъ Локкъ. Онъ говоритъ: „люди образовали общества для взаимнаго сохраненія ихъ жизни, свободы и имущества“.

Въ организованномъ въ такихъ цѣляхъ обществѣ должны быть, конечно, власти. Среди послѣднихъ высшая есть власть законодательная. Но даже и она не можетъ произвольно распоряжаться жизнью и имуществомъ людей. Вѣдь эта власть, какъ учитъ Локкъ, передана королю или законодательному собранію членами общества. Слѣдовательно, она не можетъ быть болѣе той власти, которую первоначально имѣли люди, образовавшіе

организованное общество, т. е. государство. Никакой человѣкъ никогда не имѣлъ произвольной власти надъ жизнью, свободой и собственностью другого. Его власть простиралась лишь до той степени, въ какой допускалъ это законъ природы для сохраненія его личности и для сохраненія всего остального человѣческаго рода. Слѣдовательно, въ такихъ только предѣлахъ и могла быть передана власть королю или законодательному собранію.

Въ виду этого законодательная власть не имѣетъ права завладѣть никакой частью всего, принадлежащаго частному лицу, безъ его согласія. Кромѣ того, въ силу тѣхъ же основаній, по идеѣ Локка, законодательная власть можетъ издавать законы лишь равные для всѣхъ.

Въ томъ же духѣ учили и другіе упомянутые выше писатели и среди нихъ Монтескье, говорившій, что правительство прежде всего должно быть организовано для охраны свободы. Подъ свободой онъ, конечно, не понималъ возможность дѣлать все, что угодно, ибо тогда свобода выродилась бы въ насиліе надъ другими личностями. Свобода разумѣлась имъ, какъ право свободнаго проявленія своей личности въ границахъ уваженія къ личности всякаго другого человѣка.

Вотъ эти то ученія и вдохновляли американскихъ политическихъ дѣятелей, когда они повели за собой американскихъ колонистовъ на борьбу противъ англійской власти.

Въ 1772 году въ городѣ Бостонѣ была обнародована первая по времени «Декларація правъ колонистовъ, какъ людей, какъ христіанъ и какъ гражданъ». Она начиналась слѣдующими словами: «Первое изъ естественныхъ правъ колонистовъ, это право на существованіе, второе—право на свободу, третье—право на собственность и, какъ слѣдствіе этихъ правъ, право поддерживать и защищать ихъ всѣми возможными мѣрами. Эти права являются составной частью обязанности личнаго самосохраненія, которую всѣ признаютъ первымъ естественнымъ закономъ».

Изъ этихъ основныхъ правъ человѣческой личности американскіе колонисты выводили уже дальше всѣ тѣ права, на которыя они притязали передъ англійскимъ парламентомъ: право самостоятельнаго законодательствованія, выбора должностныхъ лицъ вплоть до самыхъ высшихъ и собственнаго устроенія судебныхъ властей.

Такимъ образомъ, для нихъ въ то время декларація правъ имѣла двоякое значеніе. Съ одной стороны, она представляла

собой возвѣщеніе неотъемлемыхъ правъ каждой отдѣльной человѣческой личности; съ другой,—изъ нея вытекало право всей колоніи или всѣхъ колоній на борьбу противъ деспотизма англійскаго правительства.

Но съ теченіемъ времени, послѣ того какъ Америка побѣдоносно закончила борьбу за свою независимость, когда на мѣстѣ ряда подвластныхъ Англіи колоній оказался рядъ отдѣльныхъ государствъ (штатовъ), соединенныхъ въ свою очередь въ федеративное государство, именуемое Соединенными Штатами Сѣв. Америки, тогда деклараціи сохранили лишь свое первое значеніе, какъ возвѣщеніе и освященіе неотъемлемыхъ правъ отдѣльной человѣческой личности.

Чтобы дать ясное представленіе о современныхъ декларацiяхъ правъ человѣка и гражданина, содержащихся въ нынѣшнихъ конституціяхъ Штатовъ Сѣв. Америки, я считаю за лучшее привести главныя положенія декларацiи штата Виргиніи, послужившей тамъ образцомъ для другихъ штатовъ.

Вотъ эти положенія.

«Всѣ люди отъ природы одинаково свободны и независимы и имѣютъ извѣстныя прирожденныя права, каковыхъ они, вступая между собой въ какое либо соглашеніе для образованія общества, не могутъ никоимъ образомъ лишить своего потомства. Таково право на жизнь и свободу съ обезпеченіемъ возможности пріобрѣтать и владѣть собственностью.

Народъ есть верховный обладатель всякой власти; слѣдовательно, всякая власть имѣетъ источникомъ волю народа.

Правительство существуетъ для общаго блага. Изъ всѣхъ различныхъ формъ правительства ту надо считать наилучшей, которая полнѣе всего обезпечиваетъ народное счастье и безопасность и которая представляетъ наиболѣе гарантій противъ дурного управленія. Когда же правительство оказывается несостоятельнымъ въ указанныхъ отношеніяхъ или когда оно дѣйствуетъ противъ указанныхъ принциповъ, то большинство народа имѣетъ несомнѣнное, неотъемлемое и безспорное право реформировать, измѣнить или даже уничтожить правительство, поступая такъ, какъ это окажется нужнымъ для общаго блага народа.

Ни одинъ человѣкъ и никакая группа лицъ не имѣютъ права на какія либо преимущества и привиллегіи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда таковыя получаются въ награду за общественныя заслуги. Такъ какъ, однако, заслуги не могутъ переда-

ваться потомству, то не могутъ передаваться потомству и какія либо должности—административныя, судебныя или законодательныя.

При обвиненіи уголовнаго характера всякій имѣетъ право требовать, чтобы ему указали, въ чемъ онъ обвиняется, и поставили на очную ставку съ обвинителемъ. Всякій обвиняемый имѣетъ право требовать быстраго суда безпристрастнымъ судомъ присяжныхъ изъ лицъ, живущихъ въ той же мѣстности, причемъ виновнымъ должно считать только того, вину котораго единогласно признаютъ всѣ двѣнадцать присяжныхъ.

Свобода печати есть одинъ изъ величайшихъ устоевъ свободы политической, поэтому всякое ограниченіе печати слѣдуетъ считать актомъ тиранніи.

Народная милиція есть наиболѣе естественная и надежная опора свободнаго государства. Слѣдуетъ избѣгать содержанія постоянной арміи въ мирное время въ виду той опасности, которую она представляетъ для народной свободы. Военная власть должна быть во всѣхъ случаяхъ подчинена гражданской и дѣйствовать лишь по ея указаніямъ.

Все населеніе должно въ отношеніи политическомъ имѣть одинаковыя права.

Религія есть дѣло разума и убѣжденія, а не силы или насилія; поэтому всѣ люди имѣютъ одинаковое право выполнять свои религіозныя обязанности согласно указаніямъ своей совѣсти».

За исключеніемъ трехъ всѣ остальные пункты говорятъ именно о правахъ отдѣльной человѣческой и гражданской личности; о тѣхъ правахъ ея, которыя являются неотъемлемыми. На эти права свободы и равенства не можетъ покушаться никакая государственная власть, не можетъ покушаться даже и та верховная воля государства, которая творитъ законы, верховная воля народа, которую я не совсѣмъ точно назову высшей властью государства. Эта послѣдняя не можетъ быть ограничена никакой другой внѣшней силой. Но она обязана къ извѣстному самоограниченію. Это самоограниченіе и выражается въ обязательности признанія за каждой человѣческой личностью извѣстнаго круга правъ, неприкосновенныхъ даже для этой высшей власти государства. Если такого самоограниченія нѣтъ, тогда подтачивается главная опора государства, ибо отдѣльныя человѣческія личности, составляющія населеніе, не будучи увѣрены въ прочности своихъ правъ, перестаютъ дорожить самымъ существованіемъ государства.

Истинно демократическій строй долженъ слагаться изъ двухъ элементовъ. Первый—властвованіе народа; второй—право личности и гражданина. Само по себѣ народовластіе непрочно до тѣхъ поръ, пока рядомъ съ нимъ не высится свободная въ своемъ проявленіи человѣческая личность. Когда этой свободы личности нѣтъ, тогда нѣтъ опоры и для народовластія; послѣднему грозитъ опасность гибели, когда въ сохраненіи его не заинтересованы личности, составляющія народъ.

Эту необходимость свободной личности въ демократіи прекрасно понимали всѣ вожди революціонныхъ и народныхъ движеній. Недаромъ своего рода декларації правъ человѣка и гражданина содержатся и въ программахъ нашихъ партій соціалистовъ революціонеровъ, соціалъ-демократовъ и трудовиковъ.

Французскіе революціонеры восемнадцатаго вѣка, борясь противъ королевской деспотіи, точно также ясно сознавали, что въ этой борьбѣ необходимо выставить также и знамя свободы личности.

Великая Французская Революція перенесла священные завѣты американскихъ декларацій въ Европу.

При этомъ и во Франціи декларація правъ человѣка и гражданина первоначально имѣетъ своей главной цѣлью создать не столько защиту личности противъ чрезмѣрныхъ поползновеній государства вообще, сколько созданіе фундамента для борьбы народа противъ деспотизма короля.

Для того, чтобъ уяснить народу его права нужно было провозгласить сначала права каждой отдѣльной человѣческой личности. Для этого и послужила первая французская декларація правъ.

Вотъ какъ доказывалась необходимость декларації. «Нельзя сомнѣваться, говоритъ одинъ изъ дѣятелей того времени, что королевскіе приказы объ арестѣ существуютъ потому, что народъ не знаетъ своихъ правъ. Народъ никогда не далъ своего согласія на это ненавистное изобрѣтеніе. Не было случая, чтобы всѣ французы одновременно лишились разсудка и потому сказали королю: мы предоставляемъ тебѣ безконтрольную власть надъ нами, мы будемъ свободны лишь до той минуты, когда ты сочтешь нужнымъ сдѣлать насъ рабами, и наши дѣти также будутъ рабами твоихъ дѣтей, ты будешь вправѣ по своему желанію отрывать насъ отъ нашихъ семей и посылать въ тюрьмы подъ надзоръ избраннаго тобой тюремщика, который, будучи силенъ своими злодѣяніями, самъ поставленъ тобой внѣ власти закона. Если интересы кого либо изъ твоихъ любимцевъ

или твоей любовницы обратятъ для насъ въ могилу это ужасное мѣстопребываніе, никто даже не услышитъ нашего умирающаго голоса; твоя воля дѣйствительная или предполагаемая, сдѣлаетъ все это справедливымъ; ты одинъ будешь нашимъ обвинителемъ, судьей и палачемъ».

На приведенномъ здѣсь отрывкѣ изъ рѣчи одного изъ защитниковъ декларации ясно видно, какъ вопросъ о неприкосновенности личности ставится во главу угла для выведенія отсюда правъ народа для ограниченія королевскаго деспотизма.

Выставивъ съ такой силой ужасъ произвола, ораторъ затѣмъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «только одинъ народъ можетъ заставить деспотизмъ уважать законы. Слѣдовательно, необходимо провозгласить права народа».

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ тѣсно сплетаются права народа съ неотъемлемыми правами личности. Только при соблюденіи послѣднихъ могутъ быть прочны и первыя.

Французская декларація, какъ и американская, въ виду своего возникновенія въ острый революціонный періодъ, въ виду того, что она должна была служить какъ бы однимъ изъ орудій борьбы противъ деспотизма, говорить не только о правахъ отдѣльной личности, но и о правахъ народа. Она провозглашаетъ его верховенство.

Революціонные французы, какъ и возставшіе противъ Англіи американскіе колонисты, развиваютъ своей декларацією ту теорію, что люди добровольно соединились въ общества—государства. При этомъ до соединенія своего въ государство каждый изъ нихъ былъ абсолютно свободенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ никто изъ нихъ не могъ самовольно ограничивать свободу другого. Отсюда ясно, что послѣ соединенія въ государство каждый оставилъ въ свое полное распоряженіе самую важную часть своей свободы, именно право на самостоятельное существованіе и развитіе своей личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда же вытекаетъ, что люди никогда не передавали никому (и въ томъ числѣ никакому королю) неограниченной власти надъ собой для того, чтобы ихъ угнетали или управляли ими противъ ихъ воли. Та королевская власть, которая хочетъ управлять противъ и наперекоръ ихъ волѣ произвольна, деспотична и потому не имѣетъ права на существованіе.

Изложенные выше принципы такъ формулируются въ Декларации 1789 года.

Третья статья ея гласитъ: «Принципъ всякого суверенитета (верховенства) по существу своему покоится въ народѣ. Ни-

какое учрежденіе, никакое лицо не могутъ осуществлять власти, которая явно не вытекала бы изъ него».

Статья шестая той же декларації указываетъ уже на права всѣхъ гражданъ и каждаго гражданина. Въ ней говорится: «законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ представителей участвовать въ образованіи его».

Всѣ граждане имѣютъ это право. Почему? Потому, что всѣ люди равно свободны и независимы.

Итакъ, равенство всѣхъ гражданъ—вотъ первый принципъ, возвѣщаемый французской декларацією.

Изъ него слѣдуетъ, что всѣ имѣютъ одинаковыя политическія права, всѣ равны передъ закономъ, всѣ имѣютъ одинаковое право на пользованіе услугами государства и т. д.

Свобода—вотъ второй принципъ. Изъ нея вытекаетъ право каждаго гражданина на: неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, свободу исповѣданія любой вѣры, свободу мнѣній, свободу выражать свое мнѣніе устно, письменно и печатно и т. п.

Но не только эти два принципа выставлены французской декларацією. Есть еще и третій, касающійся вопроса о собственности.

Французская декларація провозглашаетъ, что собственность священна и неприкосновенна.

Это требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Какъ мы уже сказали выше, французская декларація заимствована изъ деклараційй американскихъ, которыя, какъ и самая борьба американцевъ за независимость, оказали вообще крупнѣйшее вліяніе на развитіе французскаго революціоннаго движенія. Что же касается американскихъ деклараційй, то онѣ въ свою очередь пропитались идеями Локка. Между тѣмъ послѣдній понималъ подъ собственностью нѣчто иное, нежели мы привыкли понимать въ настоящее время. Въ своемъ «Ученіи о гражданскомъ управленіи» онъ говоритъ о собственностяхъ, какъ неотъемлемыхъ достояніяхъ человѣческой личности. При этомъ онъ учитъ о трехъ собственностяхъ, изъ коихъ одна есть жизнь, другая—свобода, третья—имущество.

Имущество есть, такимъ образомъ, по Локку лишь одинъ изъ видовъ собственности. Но не каждая собственность есть право на частное господство надъ имуществомъ.

Въ виду этого и во французской декларації можно было бы понимать провозглашеніе святости собственности не только какъ

возвѣщеніе о неприкосновенности частной собственности въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь понимаемъ, но также какъ подтвержденіе неприкосновенности жизни и свободы.

Однако, позже, въ дѣйствительности, принципъ частной собственности получаетъ во Франціи въ періодъ революціи все большую и большую прочность.

Чѣмъ же это объясняется?

Во время французской революціи, во всякомъ случаѣ въ началѣ ея, не только не было соціалистовъ, но не было даже и республиканцевъ.

Идея республики безсознательная лишь смутно бродила и потребовалось почти три года, нужны были факты измѣнническихъ дѣйствій короля или, во всякомъ случаѣ, королевской фамиліи для того, чтобы Франція, бывшая въ началѣ революціи сплошь монархической, превратилась въ почти сплошь республиканскую.

Еще хуже обстояло дѣло съ соціализмомъ. Въ то время вообще во Франціи говорили не о соціализмѣ. Это слово было какъ будто неизвѣстно. Говорили объ аграрномъ законѣ въ смыслѣ правильнаго распредѣленія земли или націонализаціи ея.

Но лишь весьма рѣдкіе, слабые и невлятельные голоса раздавались въ пользу этого «аграрнаго закона». Находились, правда, люди, подобно журналисту Грегуару, которые говорили, что готовится порабощеніе неимущихъ богачами. Но, къ сожалѣнію, пролетаріатъ, помогавшій буржуазіи производить и развивать революцію, недостаточно уяснялъ себѣ свою роль. Что же касается буржуазіи, то она, конечно, произведя революцію, думала лишь о свободномъ политическомъ строѣ, а не о соціальномъ равенствѣ, да и въ области политической рѣзко отличала собственниковъ отъ несобственниковъ.

Достаточно указать, что самый смѣлый и передовой человѣкъ того времени Камиллъ Демуленъ, первый французскій республиканецъ, говорилъ, что право собственности выше общей воли народа и поэтому не можетъ быть уничтожено симъ послѣднимъ. Онъ же добавлялъ къ этому, что несобственники не могутъ быть избирателями.

При изложенныхъ обстоятельствахъ, при отсутствіи соціалистическаго рабочаго класса, при отсутствіи соціалистически настроеннаго крестьянства, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы сдѣлать изъ декларации правъ человѣка и гражданина всѣ вытекающіе изъ нея логическіе выводы о равенствѣ не только политическомъ, но также соціальномъ.

Французская декларація правъ не привела къ соціализму. Она укрѣпила лишь сознаніе неотъемлемыхъ правъ личности, въ которыя включила и право частной собственности. Она сохранила и утвердила индивидуальное начало, выдвигая значеніе отдѣльной человѣческой личности, утвердивъ такимъ образомъ лишь одинъ изъ элементовъ справедливаго государственнаго строя. Принципъ свободы былъ осуществленъ. Принципъ равенства остался лишь въ зародышѣ и потребовалось много лѣтъ, пока мощно развившееся соціалистическое ученіе показало необходимость для вящщаго укрѣпленія самой свободы установленія также и полнаго равенства, т. е. не только политическаго, но и экономическаго.

Идея французской декларації правъ получала между тѣмъ все большее и большее развитіе. Не только во Франціи всѣ конституціи до 1848 года обязательно включали декларацію правъ. То же самое мы замѣчаемъ и съ конституціями другихъ государствъ европейскаго континента, которыя появляются въ разное время въ теченіе девятнадцатаго вѣка. Всѣ онѣ содержатъ въ себѣ декларації правъ или, во всякомъ случаѣ рядъ статей, говорящихъ о правахъ гражданъ. Нѣсколько странное исключеніе составляетъ нынѣшняя французская конституція. Въ ней декларація отсутствуетъ. Но, какъ правильно замѣчаютъ нѣкоторые французскіе государствовѣды, она предполагается. Она не уничтожена и даже, пожалуй, можно сказать, что и сейчасъ продолжаетъ дѣйствовать декларація правъ человѣка и гражданина 1789 года, изданная тогда въ сущности отдѣльно отъ остальной конституціи, повторенная всѣми послѣдующими конституціями и неотмѣненная конституціей нынѣшней и, слѣдовательно, продолжающая дѣйствовать.

Чтобы дать возможно болѣе ясное представленіе о декларацiяхъ нынѣшнихъ конституцій я привожу текстъ бельгійской декларації, какъ наиболѣе ясной и точно формулированной.

Вотъ она:

«Въ государствѣ не существуетъ раздѣленія на сословія. Бельгійцы равны передъ закономъ.

Личная свобода гарантирована. Никто не можетъ подвергнуться преслѣдованію иначе, какъ въ установленныхъ закономъ случаяхъ и въ формѣ которую онъ предписываетъ. За исключеніемъ случаевъ захвата на мѣстѣ преступленія, никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ вслѣдствіе мотивированнаго предписанія судьи, которое должно быть объявлено въ моментъ ареста или не позже какъ черезъ двадцать четыре часа.

Никакое наказаніе не можетъ быть ни назначено, ни наложено иначе, какъ въ силу закона.

Жилище неприкосновенно. Никакой домашній обыскъ не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ въ случаяхъ, установленныхъ закономъ и въ формахъ, которыя онъ предписываетъ.

Никто не можетъ быть лишенъ своей собственности иначе, какъ въ виду общественной пользы, въ случаяхъ и способомъ, установленнымъ закономъ, и при условіи справедливаго и предварительнаго вознагражденія.

Гражданская смерть уничтожается. Она не можетъ быть возстановлена.

Религіозная свобода, свобода публичнаго богослуженія, равно какъ свобода открыто выражать свои мнѣнія по любому поводу — гарантированы, исключая случаевъ принятія мѣръ противъ злоупотребленія этой свободой.

Никто не можетъ быть принуждаемъ ни къ совмѣстному отправленію какихъ либо религіозныхъ дѣйствій или обрядовъ, ни къ соблюденію праздниковъ.

Государство не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ назначеніе, ни въ утвержденіе въ должности духовныхъ лицъ.

Обученіе свободно. Обученіе на счетъ государства регулируется закономъ.

Печать свободна; цензура никогда не можетъ быть установлена.

Бельгійцы имѣютъ право собираться мирно и безъ оружія безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія.

Бельгійцы имѣютъ право ассоціацій. Это право не можетъ подлежать никакимъ предупредительнымъ мѣрамъ.

Каждый имѣетъ право обращаться къ публичной власти съ петиціями, подписанными однимъ или нѣсколькими.

Тайна корреспонденціи неприкосновенна.

Не требуется никакого предварительнаго разрѣшенія на преслѣдованіе государственныхъ чиновниковъ за преступленія по службѣ».

Какія же неотъемлемыя права человѣка и гражданина входятъ, такимъ образомъ, въ современныя декларації?

Равенство. Одинаковая для всѣхъ охрана закона. Одинаковыя для всѣхъ наказанія за преступленія и проступки. Запрещеніе устанавливать ограниченія въ дѣлѣ занятія какихъ либо мѣстъ или должностей. Французская декларація правъ такъ формулировала это положеніе: «всѣ граждане будучи равными передъ лицомъ закона, имѣютъ одинаковый доступъ ко всѣмъ

почестямъ, мѣстамъ и должностямъ безъ другого различія, кромѣ разницы по своимъ добродѣтелямъ и своимъ талантамъ». Должно соблюдаться равенство правъ и въ связи съ этимъ соотвѣтствующія правамъ обязанности.

Неприкосновенность личности. Сущность ея заключается въ томъ, что свобода гражданина не можетъ быть ограничена по произволу властей. Арестъ и заключеніе могутъ имѣть мѣсто лишь въ случаяхъ, точно указанныхъ закономъ. Арестъ и заключеніе могутъ быть произведены лишь по приказу чиновниковъ, уполномоченныхъ на то закономъ и кромѣ того независимыхъ отъ власти законодательной и исполнительной, т. е., иначе говоря, лишь по приказу судей. Неправильный арестъ или заключеніе влечетъ за собой отвѣтственность чиновника.

Родиной современной идеи неприкосновенности личности является Англія. Этотъ принципъ выставленъ тамъ впервые уже въ Великой Хартіи Вольностей, изданной въ 1215 году. Въ сущности уже тогда было установлено, чтобы ни одинъ свободный человѣкъ не подвергался ни аресту, ни заключенію безъ предварительныхъ судебныхъ формальностей. Позже это правило подтверждалось цѣлымъ рядомъ государственныхъ актовъ. Однако, въ шестнадцатомъ, а еще чаще въ семнадцатомъ вѣкѣ указанная неприкосновенность личности систематически нарушалась деспотическими королями. Въ виду этого въ 1679 году парламентъ издалъ знаменитый билль «Habeas corpus», которымъ и была возстановлена и установлена полностью гарантія индивидуальной свободы.

Согласно этому биллю (закону), нынѣ являющему собой основу индивидуальныхъ правъ англійскаго гражданина, всякое арестованное лицо должно получить судебное предписаніе объ арестѣ. Затѣмъ оно приводится къ судьѣ, выдавшему предписаніе. Если при этомъ арестованный обезпечиваетъ свою явку въ судъ, онъ долженъ быть освобожденъ. Чтобы сдѣлать эту гарантію неприкосновенности возможно болѣе дѣйствительной на практикѣ, англійскій законъ караетъ крупнѣйшими штрафами (въ пять тысячъ рублей) судей, нарушающихъ его. Помимо того штрафуется въ тысячу рублей тотъ полицейскій или тюремный чиновникъ, которые не сдѣлаютъ судьѣ точнаго донесенія объ арестѣ или не выдадутъ въ теченіе шести часовъ копію съ акта объ арестѣ арестованному. Полицейскій или тюремный чиновникъ, вторично совершающій такой проступокъ, отрѣшается отъ должности. Ни одно лицо, выпущенное на

свободу, не можетъ быть вновь арестовано за то же преступленіе.

Англійскому парламенту предоставлено право пріостанавливать на время дѣйствіе «Habeas corpus», въ случаѣ чрезвычайной опасности политическаго или военнаго характера. Однако, подобная пріостановка, крайне рѣдко допускаемая, влечетъ за собой лишь одно, правда, тяжелое послѣдствіе, именно замедленіе суда. Во всякомъ случаѣ не создаетъ такой опасности для индивидуальной свободы, какъ существующія въ другихъ странахъ «устраненія конституціонныхъ гарантій» или «осадныя положенія».

Въ другихъ странахъ неприкосновенность личности охраняется не всегда, къ сожалѣнію, достаточно строго, но по англійскому типу.

Неприкосновенность жилища. Неприкосновенность жилища является какъ бы продолженіемъ и логическимъ слѣдствіемъ неприкосновенности личности. Подъ жилищемъ законъ понимаетъ домъ или квартиру, занимаемую гражданиномъ и его семьей.

Основной принципъ неприкосновенности жилища заключается въ томъ, что никто, никакой представитель власти не вправѣ проникать въ жилище гражданина противъ желанія послѣдняго. Исключеніе дѣлается лишь въ томъ случаѣ, когда правительственный чиновникъ проникаетъ въ жилище по приказу судебной власти, дѣйствующей на основаніи того или иного опредѣленнаго закона.

Неприкосновенность жилища не во всѣхъ конституціонныхъ странахъ настоящаго времени охранена съ достаточной полнотой. Во Франціи, напримѣръ, въ достаточной мѣрѣ гарантирована лишь неприкосновенность жилища въ ночное время, когда въ него не имѣютъ право проникать даже правительственные чиновники, хотя бы и снабженные судебнымъ приказомъ. Днемъ же жилище французскаго гражданина не является въ достаточной мѣрѣ неприкосновеннымъ. Проникать въ него днемъ противъ воли хозяина могутъ чиновники, дѣйствующіе по приказу не только судебныхъ, но и полицейскихъ властей.

Куда лучше обстоитъ дѣло опять таки въ Англіи. Тамъ, по выраженію одного англійскаго юриста, «домъ частнаго лица является настоящей крѣпостью его, и законъ не допускаетъ, чтобы кто бы то ни было нарушилъ это убѣжище безнаказанно». Въ Англіи въ полной мѣрѣ дѣйствуетъ правило, по которому представители власти, въ томъ числѣ и полицейскіе чины, не

могутъ вторгнуться въ частное жилище даже для выполненія приказа объ арестѣ. Когда такой приказъ имѣется, то полицейскіе для выполненія его не могутъ войти въ домъ, а обязаны выждать, пока данное лицо не выйдетъ на улицу.

Исключеніе изъ этого строго соблюдаемаго въ Англіи правила лишь одно, именно, когда дѣло идетъ объ убійствѣ. Это единственный случай. Для ареста убійцы можно проникнуть въ его домъ.

Религіозная свобода. Право религіозной свободы распадается на двѣ части. Во-первыхъ, это право свободно вѣрить во что угодно, во-вторыхъ — право совершать какіе угодно религіозные обряды, т. е. соблюдать какой угодно религіозный ритуалъ. Свобода вѣрить во что угодно или, другими словами, свобода совѣсти сама по себѣ есть явленіе внутренней духовной жизни человѣка. Совѣсть сама по себѣ не поддается провѣркѣ или наблюденію власти. Важно лишь, чтобы государство не заставляло гражданина исповѣдывать именно ту либо другую религію. Это и выражено въ положеніи бельгійской декларації о томъ, что никого нельзя принуждать къ соблюденію какой либо религіи.

Со свободой совѣсти связано еще и право свободно проповѣдывать устно, письменно и печатно свои религіозныя убѣжденія. Это право тѣсно связано со свободой устнаго и печатнаго слова вообще.

Чтобы религіозная свобода существовала не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности; необходимо, чтобы каждый могъ свободно и открыто исполнять какіе угодно религіозные обряды.

Ограниченіе свободы обрядовъ, свободы культа можетъ быть лишь одно; именно, свобода этого культа не должна въ чемъ бы то ни было нарушать или ограничивать свободу другихъ людей. Она не должна покушаться на физическую или духовную свободу другихъ. Въ силу этого государство не можетъ допустить культа, требующаго человѣческаго жертвоприношенія. Никакихъ же другихъ ограниченій религіозной свободы быть не можетъ и не должно.

Отдѣленіе церкви отъ государства. Оно примыкаетъ извѣстнымъ образомъ къ свободѣ совѣсти, къ религіозной свободѣ. Сравнительно недавно, всего двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства былъ боевымъ во Франціи. Вѣрнѣе объ отдѣленіи не церкви, а церквей. До 1905 года во Франціи были три государственныхъ религіи: католическая, протестантская и іудейская. Священнослужители

этихъ культовъ получали вознагражденіе отъ государства, которое участвовало также въ ихъ назначеніи.

Самое исполненіе культовъ находилось подъ извѣстнымъ политическимъ контролемъ.

Однако, во Франціи существуютъ еще и другіе культы: мусульманскій и буддійскій. До 1881 года приверженцы этихъ религій могли устраивать свои собранія лишь съ разрѣшенія администраціи. Послѣ закона, изданнаго въ названномъ году эти религіи получили право собраній, однако же обязаны были оповѣщать о нихъ администрацію. Такой порядокъ издавна подвергался во Франціи ожесточеннымъ и вполнѣ справедливымъ нападкамъ. Съ одной стороны, буддисты и мусульмане были подвержены полицейскому произволу. Съ другой—государство, оплачивая священнослужителей остальныхъ культовъ и вмѣшиваясь въ ихъ назначеніе, тѣмъ самымъ воздѣйствовало на религіозныя общества и нарушало, такимъ образомъ, принципъ религіозной свободы. Другая несправедливость заключалась еще и въ томъ, что лица непризнающія никакой религіи, должны были оплачивать содержаніе духовенства того или иного культа въ качествѣ плательщиковъ налоговъ.

Въ итогѣ сильнаго движенія въ пользу отдѣленія церквей отъ государства во Франціи и былъ изданъ 9 декабря 1905 года законъ, который гласитъ, что «Республика обезпечиваетъ свободу совѣсти, не признаетъ, не оплачиваетъ и не обслуживаетъ никакого культа». Церкви были отдѣлены отъ государства. Всѣ онѣ находятся отнынѣ подъ защитой государства въ томъ смыслѣ, что послѣднее обезпечиваетъ имъ свободу, но ни одна изъ нихъ не является ни предпочитаемой, ни государственной, ни зависимой отъ государства. Что касается расходовъ по содержанію церквей и духовенства, то ихъ несетъ общество вѣрующихъ.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ отдѣленіе церкви отъ государства является, такъ сказать, половинчатымъ. Государство оплачиваетъ духовенство, но не имѣетъ права вмѣшиваться въ назначеніе и утвержденіе духовныхъ лицъ въ ихъ должностяхъ, дабы не воздѣйствовать такимъ путемъ на культъ и не покушаться косвеннымъ образомъ на религіозную свободу.

Свобода преподаванія и право обученія. Вопросъ о свободѣ преподаванія находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о правѣ обученія. Первый сводится къ тому, имѣетъ ли право каждый гражданинъ преподавать другимъ публично, даромъ или за плату то, что онъ знаетъ и не можетъ ли государство издавать законы, ограничивающіе эту свободу. Вопросъ о правѣ

обученія заключается въ томъ, можетъ ли каждый свободно выбирать себѣ учителей. Что касается свободы преподаванія, то тутъ никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Разъ признана свобода мнѣній, свобода устной и печатной проповѣди своихъ убѣжденій, то ясно, что должна быть признана и свобода преподаванія, т. е. свобода сообщать другимъ то, что ты знаешь, въ чемъ ты убѣжденъ и во что вѣришь.

Что же касается права обученія, то здѣсь свобода выбора учителей принадлежитъ лишь только при совершеннолѣтіи самимъ обучающимся, поскольку же дѣло касается дѣтей, то право выбора принадлежитъ не имъ, конечно, а ихъ родителямъ.

Въ вопросъ о правѣ обученія входитъ и вопросъ объ обязательномъ обученіи. Не нарушаетъ ли государство право личности, когда оно заставляетъ получить первоначальное образованіе, что имѣетъ сейчасъ мѣсто въ цѣломъ рядѣ странъ. Конечно, нѣтъ. Вѣдь обученіе необходимо именно для того, чтобы дитя превратилось въ способную къ истинному развитію своей индивидуальности личность.

Государство не только имѣетъ право устанавливать обязательное первоначальное обученіе, но, помимо того, обязано еще представлять каждому получить это первоначальное образованіе безплатно.

Свобода печати. Она выражается въ правѣ выражать свои мнѣнія въ печатныхъ произведеніяхъ въ какой угодно формѣ, т. е. въ видѣ газетъ, журналовъ, книгъ, брошюръ и и проч. безъ какого бы то ни было предварительнаго разрѣшенія.

Это право было прекрасно выражено французской деклараціей правъ 1789 г., въ которой говорилось: «свободное выраженіе мыслей и убѣжденій есть одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ правъ человѣка. Всякій гражданинъ можетъ поэтому свободно говорить, писать и печатать, отвѣчая лишь за злоупотребленія этой свободой, въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ».

Границей свободы печати можетъ быть лишь свобода другого. Никто не правѣ, пользуясь свободой печати, наносить матеріальный или нравственный ущербъ другому лицу. Однако, государство не имѣетъ права допускать предупредительныя мѣры въ отношеніи печатающихъ, ибо тѣмъ самымъ оно уже ограничивало бы свободу печати. Оно лишь опредѣляетъ случаи, когда напечатавшее лицо можетъ быть предано суду. Судъ присяжныхъ, единственно компетентный въ данномъ случаѣ, рѣшаетъ вопросъ о томъ, совершено ли путемъ печати преступленіе или проступокъ.

Для того, чтобы свобода печати была не призрачной, а дѣйствительной, необходимо: 1) чтобы всякій имѣлъ право выпускать какое бы то ни было печатное произведеніе безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія; 2) чтобы не требовалось для выпуска печатныхъ произведеній внесеніе какихъ бы то ни было залоговъ; 3) чтобы бумага не была обложена какими-либо высокими налогами или пошлинами, т. к. въ этомъ случаѣ, очевидно, печатныя изданія стали бы чѣмъ то совершенно недоступнымъ для лицъ малоимущихъ; 4) чтобы отвѣтственность за мнѣніе, высказанное въ печати, могла налагаться исключительно по суду (судомъ присяжныхъ) и ни въ какомъ случаѣ административными властями.

Свобода собраній. Свобода собраній тѣсно примыкаетъ къ свободѣ мнѣній. Если граждане имѣютъ право свободно выражать и дѣлиться своими мнѣніями, то ясно, что они должны имѣть право свободно собираться для того, чтобы осуществить это право. Со свободой собраній не надо смѣшивать свободы образованія обществъ. Общество является постояннымъ соединеніемъ круга лицъ, связанныхъ между собой извѣстными экономическими и юридическими отношеніями. Собраніе есть кратковременное соединеніе людей, вообще, между собой даже ничѣмъ и не связанныхъ, съ единственной цѣлью обмѣна мнѣній, диспута и т. п. Собранія бываютъ закрытыя и публичныя, въ закрытомъ помѣщеніи и на открытомъ мѣстѣ. Для послѣднихъ въ настоящее время въ большинствѣ государствъ устанавливается лишь одно ограниченіе. Они не должны ограничивать свободы другихъ, т. е. происходить на пути общественнаго движенія. Свобода собраній сводится къ тому, что не требуется для нихъ никакого предварительнаго разрѣшенія. Почти повсюду въ настоящее время для собраній установленъ такъ называемый явочный характеръ, т. е. властямъ должно быть заявлено, что въ такое то время и въ такомъ то мѣстѣ будетъ происходить собраніе, но власти не имѣютъ права не разрѣшить собранія.

Свобода союзовъ. Такъ какъ всякій гражданинъ имѣетъ право проявлять свою личность, какъ ему угодно, чѣмъ угодно заниматься и преслѣдовать какія угодно цѣли, то отсюда ясно, что граждане, цѣли которыхъ совпадаютъ, имѣютъ право соединяться въ союзы и синдикаты для совмѣстнаго преслѣдованія этихъ цѣлей. Это право свободы союзовъ выдержало, конечно, сильную борьбу. Въ своемъ осуществленіи оно встрѣчало сильное сопротивленіе со стороны тѣхъ круговъ буржуазіи, которые

17793

опасались усиленія рабочаго класса при возможности для него соединяться въ союзы. Но въ настоящее время это право является общепризнаннымъ. Требуется лишь, чтобы союзы и общества заявляли о своемъ нарожденіи; это такъ называемый явочный порядокъ. Административная власть не вправѣ не разрѣшать образованія союза или общества. Союзы и общества обязаны имѣть опредѣленные уставы для того, чтобы точно были установлены ихъ права и обязанности въ отношеніяхъ къ другимъ лицамъ и учрежденіямъ, а также во взаимоотношеніяхъ членовъ обществъ и союзовъ между собой.

Право петицій. Право петицій заключается въ томъ, что каждый гражданинъ или группа гражданъ имѣютъ право обращаться къ властямъ съ письменными просьбами и жалобами. Эти петиціи могутъ имѣть мѣсто: во-первыхъ, въ случаѣ совершенія властью какой либо несправедливости, во-вторыхъ, когда какой-нибудь гражданинъ или группа гражданъ считаютъ нужнымъ обратить вниманіе власти на необходимость поднять или разрѣшить какой-либо вопросъ.

Право петицій имѣло крупное значеніе въ прежнія времена. Тогда, пользуясь правомъ жалобъ, можно было призывать къ справедливости. Въ настоящее время при правильной организаціи независимаго суда и правѣ гражданина привлекать къ отвѣтственности всякаго чиновника, совершающаго незаконный насильственный актъ, петиціи-жалобы почти совершенно утрачиваютъ свое значеніе. Что касается петицій-просьбъ, то и ихъ значеніе уменьшается въ виду все расширяющихся правъ парламентовъ. Однако, слѣдуетъ признать, что петиціи-просьбы все же играютъ извѣстную роль постольку, поскольку не существуетъ права народной иниціативы въ законодательствѣ. Въ Швейцаріи это право существуетъ. Тамъ, въ случаѣ извѣстное количество гражданъ того потребуетъ и большинство при всенародномъ голосованіи подтвердитъ требованіе, парламентъ обязанъ приступить къ выработкѣ опредѣленнаго закона.

Гдѣ этого права народной иниціативы не существуетъ, оно можетъ въ извѣстной мѣрѣ быть замѣнено петиціями, которыя указываютъ парламенту на то, что назрѣлъ новый вопросъ, непредусмотрѣнный законодательствомъ и требующій законодательной охраны.

Тайна корреспонденціи. Она является также одной изъ охранъ индивидуальной свободы. Всякій человѣкъ имѣетъ право распространять свои мнѣнія всенародно. Но ему также при-

надлежитъ право, если онъ того пожелаетъ, чтобы его мнѣнія стали извѣстны лишь тѣмъ, кому онъ желаетъ ихъ сообщить.

Опасность нарушенія правъ человѣка и гражданина можетъ грозить со стороны недобросовѣстныхъ чиновниковъ. Поэтому въ декларацію правъ и включено бельгійской конституціей правило объ отмѣнѣ такъ называемой административной гарантіи, т. е. законъ, по которому всякій обиженный чиновникомъ въ своихъ правахъ гражданинъ имѣетъ право преслѣдовать такого чиновника по суду, при этомъ для такого преслѣдованія не нужно испрашивать ни у кого никакихъ разрѣшеній.

Въ такомъ приблизительно видѣ будетъ, вѣроятно, изложена и будущая наша декларація правъ человѣка и гражданина, которую выработаетъ Учредительное Собраніе.

Лишь въ одномъ пунктѣ оно должно будетъ внести новшество. Всѣ существующія нынѣ декларації включаютъ постановленіе о неприкосновенности права частной собственности. Понятно почему. Онѣ составлялись въ то время, когда соціализмъ лишь смутно вырисовывался на горизонтѣ человѣческой жизни, либо ихъ вырабатывали представительныя собранія опредѣленно настроенныя въ противосоціалистическомъ духѣ. Иное совершенно положеніе сейчасъ у насъ. Никто не станетъ спорить, что наша революція является мало что соціальной (а не только политической), но и совершаемой въ полномъ смыслѣ этого слова самимъ народомъ, ясно проявляющимъ свои соціалистическія пожеланія и настроенія.

При такихъ условіяхъ, очевидно, декларація правъ не можетъ содержать въ себѣ провозглашенія святости и неприкосновенности собственности.

Вопросъ лишь въ томъ, попросту ли Учредительное Собраніе выпуститъ изъ декларації этотъ пунктъ, или (что, пожалуй, вѣроятнѣе) найдетъ нужнымъ подчеркнуть, что институтъ частной собственности не можетъ служить основой политическаго строя Россіи.

Думается, что подобная статья въ будущей нашей декларації будетъ вполнѣ соотвѣтствовать смыслу нашей революціи.

Въ деклараціяхъ всегда излагаются лишь общія основы. Далѣе уже дѣло обыкновеннаго законодательства выработать всѣ подробности, обезпечивающія равенство и свободу гражданъ, а также нерушимость неотъемлемыхъ правъ человѣческой личности.

Декларація, какъ и всякій конституціонный законъ, имѣетъ то крупнѣйшее значеніе, что она опредѣляетъ общія основы общежитія. Никакой обыкновенный законъ не можетъ нарушать сихъ послѣднихъ или идти имъ вразрѣзъ.

Отъ произвола недобросовѣстнаго чиновника гражданина оберегаетъ право преслѣдованія такого чиновника по суду.

Но необходимо кромѣ того, чтобъ и государство въ его цѣломъ не нарушало тѣхъ правъ, которыя неотъемлемо принадлежатъ каждой свободной человѣческой личности.

Всякій гражданинъ обязанъ соблюдать законы общежитія, установленныя большинствомъ. Всякій гражданинъ обязанъ подчиняться той государственной формѣ и тѣмъ государственнымъ властямъ, которыя этимъ большинствомъ установлены. Иначе невозможна государственная жизнь.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ государство въ лицѣ его большинства не имѣетъ никакого права покушаться на тѣ права личности, которую не оно дало этой послѣдней. Право исповѣдывать любую религію, право думать, открыто говорить, писать и печатать все, что угодно, право на равенство и т. п., все это принадлежитъ личности потому, что она личность человѣческая и свободная, а не потому, что она живетъ въ государствѣ. Слѣдовательно, если-бы большинство стало заставлять кого-нибудь вѣрить, думать или говорить не такъ, какъ данное лицо хочетъ, то тѣмъ самымъ былъ бы совершенъ актъ насилія, недопустимый въ истинно культурномъ государствѣ.

Демократическая республика зиждется на двухъ принципахъ: личной свободѣ и волѣ народа. И тотъ и другой одинаково цѣнны, одинаково важны для того, чтобы государство не выродилось въ деспотію.

Священный принципъ американскихъ и французскихъ декларацій «всѣ люди рождаются равно свободными и независимыми» — таковъ краеугольный камень демократической республики.

Библиотека
Института Ленина

Изданія „Общественно-политической библіотеки“:

Е. С. ГОРСКІЙ. Суверенитетъ народа и Учредительное собраніе. Вып. № 1. Цѣна 20 коп. Вышло 2-ое изданіе.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Книжн. магаз. А. А. ИВАСЕНКО и книжн. магаз. „ТРУДЪ“.

Программы политическихъ партій подъ редакц. и съ предисл. С. С. ЗАКА	ц. 40	к.
Программа Соціалистовъ-Революціонеровъ	„ 10	„
Программа Трудовой Народно-Соціалистической Партіи	„ 10	„
Трудовому народу объ Учредительномъ Собраніи С. С. ЗАКА	„ 5	„
Учредительное Собраніе и его задачи А. ЛИСЯНСКАГО	„ 20	„
Суверенитетъ народа и Учредительное Собраніе Е. ГОРСКАГО	„ 20	„
Какъ выбирать депутатовъ въ Учредительное Собраніе Г. Д-НА	„ 15	„
Демократическая Республика или Конституціонная Монархія	„ 15	„
Какъ возникло на Руси Самодержавіе	„ 15	„
Земскіе Соборы. Исторія Земскихъ Соборовъ С. АВАЛІАНИ	ц. 1 р. 25	„
Кто и какъ нами управлялъ до переворота Г. Д-НА	ц. 15	„
Какъ царь Николай лишился мѣста (сказка въ стихахъ) Э. КРОТКАГО	„ 20	„

Заканчиваются печатаніемъ:

Чего добываются Соціалъ-Демократы.
Чего добываются Соціалисты-Революціонеры.
Экономическіе очерки БАХА.
Разсказы изъ Русской исторіи ШИШКО въ 3-хъ частяхъ.
Какъ уравнять пользованіе землей ВИХЛЯЕВА.
Соціализмъ и аграрный вопросъ С. С. ЗАКА.
Основы Рабочей программы С. ЗАКА.
СПУТНИКЪ ГРАЖДАНИНА (О Государственномъ устройствѣ свободныхъ странъ и политическихъ правахъ гражданъ).
Декларація правъ человѣка и гражданина Е. ГОРСКАГО.
Пѣсни революціи.
О примирительныхъ камерахъ Е. ШАТАНА.
О народной милиціи А. ЛИСЯНСКАГО.
О свободахъ МУРОВА.
Словарь политическихъ терминовъ подъ ред. І. РЫБАКОВА.
Какъ расходовались народныя деньги Е. ШАТАНА.
ГРИГОРІЙ РАСПУТИНЪ, его жизнь и причины вліянія на государствен. дѣла.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ А. А. ИВАСЕНКО «Одесскія Новости», Дерибасовская, 20. Тел. 24-20.
Книжный магазинъ «ТРУДЪ», Дерибасовская, 25. Тел. 19-28.